

Editorial. On Behalf of Silence, Seeking Sanctuary

Shura Dogadaeva

The February Journal, Berlin

Andrei Zavadski

The February Journal, Berlin; TU Dortmund University, Germany

This item has been published in Issue 01-02 'On Behalf of Silence, Seeking Sanctuary,' edited by Shura Dogadaeva and Andrei Zavadski.

To cite this item: Dogadaeva S, Zavadski A (2023) Editorial. On Behalf of Silence, Seeking Sanctuary. *The February Journal*, 01-02: 1-11.

DOI: 10.35074/FJ.2023.42.59.001

To link to this item: <https://doi.org/10.35074/FJ.2023.42.59.001>

Published: 28 February 2023

ISSN-2940-5181

thefebbruaryjournal.org

Berlin, Tabor Collective

Editorial. On Behalf of Silence, Seeking Sanctuary

Shura Dogadaeva, Andrei Zavadski

*I picked people I wanted to keep silent with
Warm in the peaceful, perfumed indoors
Why should I care that that shadow is back
Flickering on the black windowpane?*

*Anna Akhmatova
1963*

Before you are the first and second issues of the new, independent scholarly journal *The February Journal*. The first is dedicated to silence as a form of micropolitical resistance; the second, to the phenomenon of sanctuary and its role in culture today. The story behind this double issue is a long one. It had been conceived of before Russia launched its full-scale invasion of Ukraine, as a standard single issue (entitled 'Seeking Sanctuary') to be released by a completely different journal (*The Garage Journal*), but the war and accompanying domestic political crackdown unleashed by the Russian government meant that these plans were fated to change completely.

On the 24th of February 2022, when Russia launched its war against Ukraine, *The Garage Journal's* editorial board was at work on the issue 'Seeking Sanctuary.' The full-scale deployment of Russian soldiers to the territory of a neighboring state came as a shock to us, as it did to many of our colleagues. We stopped work on the issue. No one knew what to do next. On top of feeling pain for Ukraine, shame over the actions of the Russian government and the Russians who supported it, and complete disorientation, we felt fear as we watched anti-war protests violently quashed by the regime, independent media outlets shuttered, and what was essentially wartime censorship introduced. This led many of our colleagues and friends in Russia to fall into silence. It led us—members of the journal's editorial board—to keep silent, as well.

Until, at a certain point, we realized that we needed to publish a journal issue about the silence that had overtaken not only us, but also many other Russian speakers, in the wake of the 24th of February 2022. We gathered essays and spoke with their authors even as the Russian army's behavior in Ukraine grew more and more barbaric, and the campaign to roll back human rights at home grew more and more aggressive.

Among other things, the law forbidding 'gay propaganda' was made more stringent when Parliament forbade all mention of LGBT+ people.

As a result, many Russians, including several of our editorial board members, found themselves literally outlawed, and bookstores and libraries were forced to remove all their queer literature from the public eye. It was becoming increasingly obvious that no one could safely conduct critical academic inquiry in Russia anymore. Several authors withdrew their articles because of this censorship, fearing for themselves and their loved ones.

In this context, Garage Museum made the decision to shut down *The Garage Journal*, agreeing to hand its archive and platform over to the journal's former editors.

The Garage Journal had a short but fairly accomplished run. Starting in fall 2020, the editorial team released four issues containing 63 works in various genres, including academic articles, visual essays, dialogues, reflective essays, book reviews, and archival materials; three more issues were in development. We simultaneously created the GJ Media blog to publish interviews, essays, and other pieces relevant to the journal's agenda and launched a grant program to support early career scholars. In 2021, together with Garage, we hosted the academic conference *Utopias of (Non)Knowledge: The Museum as a Research Hub*, as well as releasing a print anthology of essays on inclusivity! We were, in all modesty, successful in creating an interdisciplinary platform for sharing ideas on a Russian and global scale.

Unfortunately, it is impossible to keep doing that work in Russia today. So, *The Garage Journal's* former editors are using its platform to launch a new, extra-institutional project—*The February Journal*.

The February Journal is an independent interdisciplinary journal at intersections of academic, art, and activist practices. A project of Tabor Collective, *February* will produce special issues on strategic themes that currently include migration, displacement, statelessness, and exile in the context of war, violence, and aggression. The journal will publish empirical, theoretical, and speculative research that uses de-centering, queer, feminist, decolonial, and autotheoretical methodologies. Peer-reviewed and available in open access, *The February Journal* will seek to provide a sourcebook of ideas for an international audience.

That is how the pieces in this issue, intended to be published in *The Garage Journal*, found themselves becoming the first and second issues of *The February Journal*. While we published the sanctuary section of this double issue first and foremost to fulfill our promises to our authors, the problems their essays explore have been made even more urgent by the war. As for the section on silence, we believe it is important to begin our new editorial undertaking by taking a critical look at ourselves.

What is this silence of ours?

***

The year is 1963. Anna Akhmatova writes her quatrain about silence. Khrushchev's Thaw is gradually giving way to the slushy avalanche of the

next crackdown, but the machine of totalitarian repression still seems to have been consigned to the past, destroyed permanently by the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union and its condemnation of Stalin's 'cult of personality.' The use of 'atoms for peace,' newspaper debates about the relative cultural importance of science and art, and the end of the abortion ban all mean a more liberal biopolitics, a romanticizing of the future, and the appearance of 'your average many-sided Soviet person.'² But the shadow of the unspoken, unaddressed past hasn't gone anywhere. 'Why should I care?' asks Anna Akhmatova. What does she mean by this? Is she criticizing her own silence, or reacting to others' silence with prescient post-irony? Or perhaps breaking that silence with her own performative speech act (Austin 1962/1975)? Why had the 'new' political system that publicly condemned Stalin's regime failed to find the language to talk about the past, the future, and the 'multi-faceted' Soviet?

As the Thaw regime is born in the mid-1950s, linguist Roman Jakobson writes his 'Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances' in English, coining the term 'speech event' (Jakobson and Halle 1956/1971: 69–95). This essay will only be translated into Russian in the 1990s. According to Jakobson, everyone involved in a speech event, i.e. a communicative act, uses a 'common code.' If such a code is lacking for whatever reason—say, your interlocutor is speaking another language—a speech disturbance occurs. Different kinds of aphasic disorders share the same essence: aphasia as a state of language where the meanings encoded by one person are not understood by the other or vice versa, making dialogue impossible. Historian and linguist Irina Sandomirskaja (2013), in her study of the 'state of public language,' notes that, despite how oversaturated our lives are with verbliness, public language is in a state of deep aphasia. It seems that language has not worked as a means of communication, a common code, in (Soviet or contemporary) Russia since 1963 at the least. Philosopher Merab Mamardashvili (1992), writing on censorship and the taboo in the Soviet system, emphasizes that

'this machine was built by several decades of the collapse of language and its replacement by Soviet newspeak, and the sad thing is that when people find themselves face to face with reality, their feelings and perceptions go numb [literally "mute"—trans.]. This creates people who can look at an object and not see it, can look at human suffering and not feel it' (p. 203).

This is how the sterilized, hollowed-out, artificially impoverished Soviet newspeak worked (Sandomirskaja 2013). It didn't allow speakers to understand the reality around them or glimpse the past's long shadow; it forcibly depoliticized³ all words, stripping them of any meaning, leaving only a resounding emptiness.

The year is 2022. It turns to 2023. Why should we care that the shadow on the black windowpane has reentered our common reality? That Russia has sunk even farther into the past, or, in the words of writer Maria Stepanova, has become "incapable of any cold detachment from its past whatsoever" (Stepanova 2015)? Events since the 24th of February 2022 clearly show that the Russian public sphere has fallen further and further into a state of linguistic and communicative paralysis. We might term the main means of communication in Russia today

necrospeak (Saygin 2022), or, after Dmitry Khaustov (2022),⁴ ‘necropolitical newspeak’: a decoy tongue, language that has deteriorated, that has lost all connection to reality and all desire to differentiate it from the past and future. Necrospeak has significantly expanded our vocabulary (e.g. by substituting ‘external constraints’ for ‘sanctions,’ Saygin 2022) while erasing its meaning entirely and desubjectivizing speech, which is why ‘no thought takes root’ today (Mamardashvili 2020: 148). Words become mute, a priori subjectless and inanimate, and communication through dialogue becomes nearly impossible. (In Russian, Irina Sandomirskaja represents this with the pun *nemoy*, ‘mute’/ *ne moy*, ‘not mine.’) And so we, following Akhmatova’s narrator, choose to stay silent in the safe, ‘perfumed indoors’—in coffee shops and restaurants, say, in an attempt to cling to a ‘normal’ life.

But this is not the only type of silence possible. Silences, it seems, are multitude. On the one hand, the Russian state is certainly using all available means to preserve a semblance of normality. Protests have largely been suppressed, independent media shuttered, and activists jailed or forced into exile. A necrospeak Rococo, an eruption of mute/not our (Sandomirskaja 2013) words that have nothing to do with communicating or with reality, adorns TV screens, official newspapers, and other propaganda outlets. On the other hand, independent bookstores put up displays about war, propaganda, and trauma. Media that may not openly condemn the war still publish articles on the Nuremberg trials and the Hague. ‘Silent,’ encoded anti-war messages appear on city walls, declaring, ‘**** * * * * *’

What explains these different silences?

Apathy? Fear? Defense mechanisms? Cold calculation? Insanity? A strategy of keeping silent, conscious or not? An inability to find your own words in an endless torrent of mute/not your words (Sandomirskaja 2013)? Or perhaps, as poet and literary historian Evgenia Vezhlian (2022: 19–20) claims, silence is a reflection of Russian academic and intelligentsia circles questioning their pre-war ‘narcissistic confidence in their right to opine,’ which since the 24th of February 2022 has given way to ‘skepticism towards the lone individual who keeps silent because they don’t know who they truly are’ or, more importantly, how to have a conversation with the many ‘impossible to talk to’ people around?

Given the situation, is it worth trying to speak at all? Or is it better to stay silent, giving necrospeak an opportunity to decompose on its own, and using our silence to minimize, as poet and translator Galina Rymbu puts it, ‘the narcissistic desire to appropriate and aestheticize other people’s experience of catastrophe as quickly as possible’ (cit. in Vezhlian 2022: 19)? Perhaps the best thing to do now is to act in silence, bodily resisting the violence unleashed by the Russian government?

***

This special issue is our attempt to look at silence as a way of reclaiming subjecthood—both our own and language’s. This narrow focus is not

a justification of the silence surrounding Russia's military campaign or an endorsement of the embittered, violent, mute/not our language of official propaganda. The different modes of silence-as-resistance that have emerged in 2022 will be studied for decades, within and at the intersections of different disciplines, changing our understanding of Russia and expanding our understanding of silence itself.

Since the late twentieth century, silence has primarily been a focus of interdisciplinary academic inquiry. For example, Tilly Olsen's 1978 book *Silences* analyzes different forms of female silence in literature. Feminists Marsha Houston and Cheris Kramarae (1991) highlight how women's silence 'is not only apparent in the absence of their voices—from certain forums, on certain issues, before certain audiences—but also in the form and focus of their speech and writing' (p. 388). Postcolonial studies, in its turn, has also centered silence in its critique. Postcolonial theorists have connected silence to the politics of colonial oppression, especially to how the colonized are represented by colonizers and, more broadly, the subaltern's inability to speak directly (see Lentini 2014; Trouillot 1995). In her landmark 1998 essay on this subject, Gayatri Spivak concludes that the subaltern subject has no place from which to speak (p. 307). This not-speaking, according to Spivak (1988), is not the same as the subaltern keeping silent or not existing; it points to the forced aporia between their subjecthood and objecthood. If we combine a feminist perspective with postcolonial critique, we can read Spivak's definition of the subaltern position as a challenge to feminist attempts to 'unearth' women's voices buried beneath a layer of silence (Wagner 2012: 118, discussed at length on pp. 117–8).

Roi Wagner (2012), in contrast, assumes that silence is not necessarily the result of dominance and oppression—silence is not always caused by silencing. In his essay, translated in this issue into Russian, Wagner (2012) focuses less on the causes and meanings of silence than on what people who *chose silence* can achieve. Polemicizing with Spivak (1988), Wagner's study shows that it is not always easy for the subaltern to remain unspeaking. For him, silence 'is not an absolute stance polar to speech and is not a position of ontological annihilation' (Wagner 2012: 100). It can be intentional, an act of 'micropolitical resistance' (Wagner 2012: 100). By choosing silence, subjects refuse to participate in the dominant discourse, decoupling their presence from its approval. Instead, Wagner concludes, silent subjects simply manifest their presence.

Patricia M. Patterson (2000) summarizes the phenomenon of silencing/silence as follows:

'Silence is all one has, or all one is allowed; silence is fear and talk is trouble; silence is shame and talk undeserved; silence is resistance and talk is cheap; silence is golden and talk irrelevant; silence is privacy and talk is someone else's cover; silence is listening and allows talk to be heard' (p. 681).

We would like to dedicate this journal issue to Patterson's phrase 'silence is resistance.' Our task is to analyze the living, growing practices of silence that attempt to resignify the lack of a statement: to turn being deprived of the ability to speak into a meaningful gesture of resistance to necrospeak and to work

through the trauma of this loss. For this very reason, we are interested not only in purely academic, but also in creative meditations on the subject. Both of these different ways of critically analyzing silence can help us call things by their names again, even if not out loud. We have also worked here to juxtapose the post-24 February phenomenon of silence in Russian society with manifestations and forms of silence from other political and cultural contexts.

***

The first half of this double issue is devoted to the theme of silence, and the second, to sanctuary. Given the antagonistic political environment in Russia, the journal's editors allowed authors to decide whether they wanted their work to appear under their real names. Some chose anonymity or a pseudonym out of fear for themselves and their loved ones.

We open the issue with a Russian translation of Roi Wagner's essay on the necessary conditions for silence and its practice as resistance, 'Silence as Resistance before the Subject, or Could the Subaltern Remain Silent?'

An artist from Belarus who prefers to remain nameless brings Wagner's theory literally to life in the video *Committing Thoughtcrime: A Step-by-Step Tutorial*, which deals with political persecution in Belarus.

In their essay "'Great, Great Sorrow and Eternal Silence": An Experiment in Sociological Dream Interpretation after the 24th of February 2022,' Karolina Nugumanova and her anonymous coauthor explore how, since the beginning of the war and the introduction of wartime censorship, Russians have used dreams to help give verbal form to their pre-linguistic experience. The essay appears here in Russian and in the authors' own English translation.

In the visual essay 'Flag Day,' a photographer working under the pseudonym Smith analyzes the lack of a crowd at the official Flag Day concert put on by the Saint Petersburg city government in Saint Isaac's Square on the 22nd of August 2022.

Sofiya Chibisguleva and Elena Kilina's essay 'Collective Abyss: Social Identities of Silence, Void, and Resistance' explores elements of the state system for assigning value to voids and silence.

In her Russian-language essay 'The White Page Burns,' poet and writer Oksana Vasyakina writes about how politics alters the lens through which we read poetry written a half-century ago. Vasyakina compares her sense of Vsevolod Nekrasov's text 'I'm silent/stay silent' before and after the events of the 24th of February.

In the paper 'Shadowing Silence: A Spatial Rewriting of Myths and Fairytales,' Aslihan Şenel and Ece Yetim describe the means by which myths and fairy tales establish alternate forms of storytelling that allow for a plurality of meanings and embodied interactions, which dominant social structures often hush up.

Last but not least, Aleksandr Veselov reviews *Cultures of Silence: The Power of Untold Narratives*, a multi-author volume on silence as an

interdisciplinary research field, edited by Luísa Santos and published in 2023 by Routledge.

***

The section 'Seeking Sanctuary' opens with an essay by an anonymous writer, 'The Craft: On the Neo-Surrealist Sanctuary of Russian Feminist Art,' analyzing the art practice of a new generation of Russian women artists—Alisa Gorshenina and Katerina Lukina in particular—and its engagement with the esoteric and occult.

"Berlin Sees Bizarre Russian Art Show": The Press Coverage of the *Erste Russische Kunstausstellung* (1922) and the Perception of Russia's Modernist Art' is devoted to Weimar-era art critics' reactions to the first exhibition in Germany to feature Kazimir Malevich, Vladimir Tatlin, Alexander Rodchenko, and other figures of the avant-garde.

The anonymous author of 'Disentangling from Epistemic Violence: Contemporary Photographers Unfixing the Image of Africa' shows how contemporary image makers are establishing a gaze endowed with agency and free from (post)colonial stereotypes as they examine urban spaces in West Africa.

Writing under the pseudonyms Sofiya Russkikh and Polina Kovalyova, the authors of the Russian-language contribution 'The Russian Textbook: Problems in Teaching Russian to Migrant Workers and Their Families: An Overview of Teaching Materials' analyze extant Russian-as-a-foreign-language textbooks aimed at migrant workers. The authors analyze the books within the broader context of migration in today's Russia from anthropological, pedagogical, and linguistic points of view.

Dzifa Peters's essay 'Places of Sanctuary in the Artistic Work of Liz Johnson Artur' situates the concept of sanctuary in relation to diasporic and post-migrant identities. Peters analyzes the work of Russian-Ghanian photographer Liz Johnson Artur, who has visually chronicled the life and culture of the African diaspora in her *Black Balloon Archive* for the past 30 years.

Zhanna Budenkova's essay 'Sanctuary Earth in Ecological Science Fiction Cinema in the USSR: *Per Aspera ad Astra*' analyzes the techno-scientific ethos of Soviet modernity that facilitated the twentieth-century destruction of the environment, along with its representation in science fiction films. Budenkova reveals the contradictions in their image of the Earth as an ideal environmental sanctuary.

***

Although *The February Journal* is just coming into being, it is safe to say that we would like it to keep growing outside of institutions. This path will bring us many opportunities, but it will create difficulties as well, which is why we are asking our colleagues and readers for help. This could take the form of financial aid, editorial assistance, or sharing the pieces we have already

published—we will be grateful for any contribution to our common cause. You can reach us at info@thefebbruaryjournal.org.

1. Bezuglov D (ed) (2021) *Khrestomatiia nauchnogo zhurnala The Garage Journal* [The Garage Journal Reader]. Moscow, Garage Museum of Contemporary Art.
2. A phrase from the iconic Thaw-era film *I Am Twenty* by director Marlen Khutsiev (1965).
3. Although Soviet society was saturated with politics, the discourse found in Soviet newspapers, propagandistic celebrations, reports from party organizations, etc., was completely devoid of the political. The rapid formalism of these kinds of writing meant that they were divorced from reality and subjectivity as such. For more on Soviet language, see Yurchak A (2005) *Everything Was Forever Until It Was No More*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
4. These concepts are currently the subject of much debate in the Russian-speaking counterpublic sphere. Khaustov (2022) views 'necropolitical newspeak' as the successor to Soviet newspeak, which has survived in this not-so-new form despite the critical attempts of the 1990s and 2000s to rethink or destroy it, such as Alexei Balabanov's 2007 film *Cargo 200*. Alexander Saygin, on the other hand, finds 'necrospeak' a more appropriate term for the state of communication in Russia today: newspeak involved using a smaller volume of words and inverting their meanings ('war is peace'), whereas necrospeak significantly expands our vocabulary in order to obscure reality ('the war' becomes 'the special military operation') (Saygin 2022).

Acknowledgments

We are grateful to Vlad Strukov and Yuri Yurkin for their helpful ideas and support. Our thanks also go to the journal's editorial manager Ana Panduri, proofreader and translator Elias Seidel, proofreader M. M., IT-specialist E. R., layout designer Olya Net, and designer Hell Kit. Last but not least, we offer our gratitude to Garage Museum of Contemporary Art for the opportunity to use the platform of *The Garage Journal* (2019–2022) as the basis for the creation of this new, extra-institutional publication.

Bibliography

1. Austin JL (1975) *How to Do Things with Words*. Cambridge, MA, Harvard University Press. Originally published 1962.

2. Bezuglov D (ed) (2021) *Khrestomatiia nauchnogo zhurnala The Garage Journal* [The Garage Journal Reader]. Moscow, Garage Museum of Contemporary Art.
3. Houston M and Kramarae C (1991) Speaking from silence: Methods of silencing and of resistance. *Discourse & Society*, 2(4): 387–399.
4. Jakobson R and Halle M (1971) *Fundamentals of Language*. The Hague, Mouton. Originally published 1956.
5. Khaustov D (2022, 13 April) Zurab i Merav. Zametki o zombigeneze [Zurab and Merab: Notes on Zombigenesis]. *Spectate*, spectate.ru/zurab-merab (14/02/2023)
6. Lentin A (2014) Postracial Silences: the Othering of Race in Europe in Wulf. In: Hund D and Lentin A (eds), *Racism and Sociology*. Berlin, Lit: 69–104.
7. Mamardashvili M (2020) *A Spy for an Unknown Country*, Slaughter A and Sushytska J (ed and trans). New York, Columbia University Press.
8. Mamardashvili M (1992) *Kak ia ponimaiu filosofiiu* [How I See Philosophy]. Moscow, Progress Publishers.
9. Olsen T (1978) *Silences*. New York, Delacorte Press/Seymour Lawrence.
10. Patterson PM (2000) The talking cure and the silent treatment: Some limits of 'discourse' as speech. *Administrative Theory & Praxis*, 22(4): 663–95.
11. Sandomirskaiia I (2013) *Blokada v slove. Ocherki kriticheskoi teorii i biopolitiki iazyka* [The Siege in words: Essays in the critical theory and biopolitics of language]. Moscow, New Literary Observer.
12. Saygin A (2022, 7 May) K ponimaniuu nekroiaza [Towards a concept of necrospeak]. *Telegram*, @saygin_opinion, t.me/saygin_opinion/7048 (14/02/2023).
13. Spivak GC (1988) Can the subaltern speak? In: Nelson C and Grossberg L (eds), *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana, University of Illinois Press, 271–313.
14. Stepanova M (2015) Predpolagaia zhit' [Planning to live]. *Colta.ru*, colta.ru/articles/specials/6815-predpolagaya-zhit (31/03/2015).
15. Trouillot M-R (1995) *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston, Beacon Press.
16. Vezhlian E, Dzhabbarova E, and Mitrofanova A (2022) *Sem' tekstov o feminizme. Obezoruzhivaia gender* [Seven essays on feminism: Disarming gender]. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi.
17. Wagner R (2012) Silence as resistance before the subject, or Could the subaltern remain silent? *Theory, Culture & Society*, 29(6): 99–124.

Authors' bios

Dr. Shura Dogadaeva (pseudonym) is a co-editor-in-chief of *The February Journal*. In her research, teaching, and museum work, she is concerned with critical theory, queer studies, medical humanities, and gender studies. She does a lot of work to support early career and independent researchers, aiming to challenge established academic and social paradigms. She is responsible for several educational and research initiatives. Since 2020, she

has been leading a research project on the cultural history of HIV/AIDS in the late USSR and contemporary Russia.

E-mail: info@thefebbruaryjournal.org.

ORCID: 0000-0002-9272-8917.

Dr. Andrei Zavadski is a co-editor-in-chief of *The February Journal*. He is a research associate and faculty member (*wissenschaftlicher Mitarbeiter*) at the Institute of Art and Material Culture, TU Dortmund University, and an associate member of the Centre for Anthropological Research on Museums and Heritage (CARMAH), Humboldt-Universität zu Berlin, Germany. He works at intersections of memory studies, museum studies, public history, and media studies, with a focus on Eastern Europe.

Address: TU Dortmund University, Institut für Kunst und Materielle Kultur,
Emil-Figge-Str. 50, 44221 Dortmund, Germany.

E-mail: andrei.zavadski@tu-dortmund.de.

ORCID: 0000-0002-8988-8805.

Предисловие редакторов. От имени молчания, в поисках прибежища

Шура Догадаева
The February Journal, Берлин

Андрей Завадский
The February Journal, Берлин; Институт искусства и материальной культуры, Технический университет Дортмунда, Германия

Этот материал опубликован в номере 01-02 «От имени молчания, в поисках прибежища», под ред. Шуры Догадаевой и Андрея Завадского.

Цитировать: Догадаева Ш, Завадский А (2023) Предисловие редакторов. От имени молчания, в поисках прибежища. *The February Journal*, 01-02: 12-23. DOI: 10.35074/FJ.2023.42.59.001

Ссылка на материал: <https://doi.org/10.35074/FJ.2023.42.59.001>

Дата публикации: 28 февраля 2023 года

Предисловие редакторов. От имени молчания, в поисках прибежища

Шура Догадаева, Андрей Завадский

*Я выбрала тех, с кем хотела молчать
В душистом спокойном тепле,
Какое мне дело, что тень та опять
На черном мелькнула стекле?*

Анна Ахматова
1963

Перед вами первый и второй номера нового независимого научного журнала The February Journal. Первый посвящен молчанию как форме микрополитического сопротивления, второй — феномену прибежища и его роли в современной культуре. У этого сдвоенного выпуска непростая история. Задумывался он до того, как Россия начала полномасштабное военное вторжение в Украину, — и задумывался в виде стандартного одиночного номера (под названием «В поисках прибежища») и в рамках совершенно другого журнала (The Garage Journal). Но в результате развязанной российскими властями войны и сопровождающих ее репрессий внутри страны этим планам было суждено кардинально поменяться.

24 февраля 2022 года, когда Россия начала войну против Украины, редакция журнала The Garage Journal готовила номер под названием «В поисках прибежища». Как и для многих наших коллег, для членов редакции полномасштабное вторжение российских войск на территорию соседнего государства стало шоком. Работа над номером была остановлена. Никто не понимал, что делать дальше. Помимо боли за Украину, стыда из-за действий российских властей и поддерживающих их россиян, а также всеобщей растерянности мы испытывали страх, наблюдая насильственное подавление режимом любых антивоенных протестов, закрытие независимых СМИ и, по сути, введение в стране военной цензуры. Из-за этого многие наши коллеги и друзья, находящиеся в России, погрузились в молчание. По этой же причине молчали и мы, члены редакции журнала.

Пока в какой-то момент нам не стало ясно, что нужно сделать номер про это молчание, охватившее с 24 февраля 2022 года не только нас, но и многих говорящих по-русски. Работа началась весной прошлого года. Мы собирали тексты и общались с авторами — на фоне все более варварских действий российской армии в Украине и все более агрессивной кампании по уничтожению прав человека в России.

Среди прочего, был ужесточен закон о «гей-пропаганде» — депутаты запретили любые упоминания ЛГБТ+-людей. В результате множество россиян, включая нескольких членов редакции журнала, оказались буквально вне закона, а книжные магазины и библиотеки, например, были вынуждены убрать из общего доступа всю квир-литературу. Становилось все очевиднее, что никто в России больше не может безопасно заниматься развитием критической научной мысли. Некоторые авторы отказались публиковать свои статьи из-за цензуры и страха за себя и близких.

В этих обстоятельствах Музей «Гараж» принял решение закрыть The Garage Journal — и согласился передать архив и платформу журнала его бывшим редакторам.

The Garage Journal просуществовал недолго, но успел сделать довольно много. С осени 2020 года команда журнала выпустила четыре номера, содержащих 63 материала разных жанров, в том числе научные статьи, визуальные эссе, дискуссии, рефлексивные эссе, рецензии на книги, а также архивные материалы; в работе находились еще три номера. Параллельно была создана площадка GJ Media, где публиковались интервью, эссе и другие материалы, имеющие отношение к повестке журнала, была запущена грантовая программа для поддержки молодых исследовательниц и исследователей. В 2021 году мы совместно с «Гаражом» провели научную конференцию «Утопии (не)знания: музей как исследовательский хаб», а также выпустили печатную хрестоматию по инклюзии. Можно без ложной скромности сказать, что нам удалось создать междисциплинарную платформу для обмена идеями в российском и глобальном контекстах.

К сожалению, продолжать эту работу в России сегодня невозможно. Поэтому на платформе The Garage Journal бывшие редакторы журнала запускают новый, внеинституциональный проект — The February Journal.

The February Journal — это независимый междисциплинарный журнал, существующий на пересечении академических, художественных и активистских практик. В фокусе February находятся такие темы, как миграция, вынужденное перемещение, война, насилие и агрессия — вокруг них будут выстраиваться специальные номера журнала. В методологическом смысле нам особенно интересны децентрализация, квир- и феминистская оптика, а также деколонизальные и автотеоретические подходы. Журнал является частью проекта Tabor Collective и поощряет экспериментальные способы представления знания. В February будут публиковаться эмпирические, теоретические и спекулятивные исследования разных жанров.

Таким образом, материалы этого номера должны были выйти в The Garage Journal, но стали первым и вторым номерами The February Journal. Тогда как посвященную прибежищу часть этого двоякого выпуска мы публикуем прежде всего для того, чтобы выполнить обязательства перед авторами, исследуемые в ее статьях проблемы становятся в результате военных действий еще более актуальными. Что касается части

о молчании, нам кажется важным начать новый журнальный проект с критического взгляда на себя.

Какое оно, наше молчание?

***

1963 год. Ахматова пишет четверостишие о молчании. Хрущёвская оттепель постепенно оборачивается грохочущей слякотью очередного закручивания гаек, но по-прежнему кажется, что тоталитарная репрессивная система осталась в прошлом — что ее навсегда уничтожили XX съезд КПСС и осуждение культа личности Сталина. Мирный атом, спор физиков и лириков, отмена запрета на аборт — либерализация биополитики, романтизация будущего, появление «простого многогранного советского человека». Но тень непроговоренного, непроработанного прошлого никуда не ушла. «Какое мне [до этого] дело»? — задается вопросом Анна Ахматова. Какой смысл вкладывает она в этот вопрос? Осуждает ли она свое собственное молчание? С прозорливой постиронией реагирует на молчание окружающих? Или все же нарушает это молчание собственным перформативным высказыванием (Austin 1975)? Но самое главное: почему этот вопрос вообще звучит? Почему «новая» политическая система, публично осудив сталинский режим, так и не придумала для разговора о прошлом, будущем и «многогранном» советском?

Параллельно с зарождением оттепельного режима — в середине 1950-х — лингвист Роман Якобсон по-английски пишет эссе «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» (на русский язык оно будет переведено только в 1990-е), где впервые упоминает термин «речевое событие» (Jakobson and Halle 1956/1971: 69–95). По утверждению Якобсона, все участвующие в речевом событии — по сути, акте коммуникации — используют «общий код». Если такой код по какой-то причине отсутствует — допустим, ваш собеседник говорит на другом языке, — происходит речевой сбой. Афатические расстройства бывают разного типа, но их суть в одном — это состояние языка, при котором производимые одним человеком смыслы не считаются другим и наоборот, в результате чего диалог становится невозможным. Историк и филолог Ирина Сандомирская (2013), изучая «состояние общественного языка» советского и российского социумов, замечает, что — несмотря на перенасыщенность нашей жизни вербальностью — публичный язык находится в состоянии глубокой афазии. Получается, что язык как способ коммуникации, как некий общий код не работает в (советской и современной) России с 1963 года, а возможно, и раньше. Философ Мераб Мамардашвили (1989), размышляя о цензуре и табу внутри советской системы, подчеркивает, что

«эта машина создана несколькими десятилетиями разрушения языка и появления вместо него советского новоречья, и беда в том, что у людей, оказывающихся лицом к лицу с реальностью,

это вызывает онемение чувств и восприятий. Формируются люди, которые могут смотреть на предмет и не видеть его, смотреть на человеческое страдание и не чувствовать его».

Так работал выхолощенный, лишенный содержания, искусственно обедненный советский новояз (Сандомирская 2013). Он не давал возможности понять реальность вокруг и увидеть длинную тень прошлого, насильно деполитизируя каждое слово, лишая его всяческого смысла, оставляя лишь звонкую пустоту.

2022 год. И наступивший 2023-й. Какое нам дело до того, что тень на черном стекле стала частью общей действительности? Что Россия еще глубже погрузилась в прошлое или, говоря словами писательницы Марии Степановой, приобрела «неспособность разместить между собой и прошлым холод хоть какой-нибудь отстраненности...» (Степанова 2015). События, произошедшие после 24 февраля прошлого года, наглядно демонстрируют, как российская публичная сфера все дальше погружается в состояние языкового, коммуникативного паралича. Основное средство коммуникации в сегодняшней России можно назвать некроязом (Сайгин 2022) — или, вслед за Дмитрием Хаустовым (2022), «некрополитическим новоязом» — вырожденным языком, языком-обманкой, разрывающим любую связь с реальностью, любую попытку выстроить границы этой реальности, которые отделяли бы ее от прошлого и будущего. Некрояз значительно расширил лексический аппарат (не «санкции», а «внешние ограничения» — см. Сайгин 2022) и при этом окончательно лишил язык смысла, десубъективировал речь, и поэтому сегодня «никакая мысль не прививается» (Мамардашвили 1989). Слова становятся немыми (исначально а-субъектными, неживыми — Сандомирская использует понятие «не-мое слово»), а диалог — едва ли возможной формой коммуникации. Тогда мы, вслед за лирическим героем Ахматовой, выбираем молчание в душном тепле и уюте, пытаясь сохранить «нормальную» жизнь.

Но такое молчание — не единственно возможное. Кажется, их множество. С одной стороны, видимость «нормальной» жизни в России действительно поддерживается любимыми средствами. Протесты по большей части подавлены, независимые медиа закрыты, активисты посажены либо выдворены из страны. На телеэкранах, в газетах и других источниках пропаганды — рококо некрояза, извержение не-мых (Сандомирская 2013) слов, которые с коммуникацией и реальностью не имеют ничего общего. С другой стороны, независимые книжные магазины выставляют подборки книг о войне, пропаганде и травме. Медиа, не высказываясь против войны открыто, публикуют материалы о Нюрнбергском процессе и Гааге. На стенах городов появляются «молчаливые», зашифрованные антивоенные высказывания — например, в виде *** *****.

Что стоит за этими разными молчаниями? Безразличие? Страх? Защитный механизм? Расчет? Помешательство? Стратегия замалчивания, сознательная или нет? Неспособность в бесконечном потоке не-моих (Сандомирская 2013) слов подобрать свои? Или же, по утверждению филолога Евгении Вежлян (2022: 19–20), попытка переосмыслить

существовавшую до войны академическую — или интеллигентскую — «нарциссическую уверенность в праве на высказывание», которая после 24 февраля 2022 года превратилась в «неуверенность к одинокому-себе-самому-по-себе, который молчит, потому что не знает, кто же он на самом деле» и, более того, как ему говорить со множеством тех, с кем «невозможно разговаривать»?

Стоит ли в такой ситуации вообще пытаться говорить? Или лучше замолчать, предоставив некроюзу возможность окончательно разложиться — и минимизируя собственным молчанием, по выражению поэтессы и переводчицы Галины Рымбу, «нарциссическое желание поскорее присвоить и эстетизировать чужой катастрофический опыт» (цит. по Вежляна 2022: 19)? Может, самое правильное сейчас — молча действовать, телесно сопротивляясь развязанному российской властью насилию?

***

В этом специальном номере мы пытаемся посмотреть на молчание как на способ возвращения субъектности — и себе, и языку. Такое сужение фокуса не означает, что мы оправдываем молчаливую поддержку военных действий или поддерживаем наполненные злобой и насилием официальные не-мые и не-мои призывы. Но возникшие в 2022 году разные способы молчания как сопротивления будут исследоваться десятилетиями, в рамках и на пересечениях разных дисциплин, меняя наши представления о России и расширяя наше представление о молчании как таковом.

В академической науке второй половины XX века феномен молчания исследовали прежде всего ученые, работающие междисциплинарно. Например, Тилли Олсен (1978) в книге «Безмолвия» анализирует разные формы молчания женщин в литературных текстах. В другом исследовании феминистки Марша Хьюстон и Черис Креймари (1991) подчеркивают, что безмолвие женщин «проявляется не только в отсутствии их голосов на определенных площадках, по определенным вопросам и перед определенными аудиториями, но и в форме и фокусе их речи и письма» (с. 388). В свою очередь, для постколониальных исследований молчание — один из ключевых объектов критики. Постколониальные теоретики анализируют молчание в его связи с политикой колониального угнетения, в частности, репрезентацию колонизированных колонизаторами и, шире, неспособность угнетенных говорить напрямую (например, Lentin 2014; Trouillot 1995). Хрестоматийной отсылкой здесь выступает Гаятри Спивак (1988), которая приходит к выводу, что не существует такого пространства, из которого угнетенный субъект мог бы говорить. Это не-говорение, по Спивак (1988), не равно молчанию или небытию угнетенного, но указывает на насильственную апорию между его субъектностью и объектностью. Если соединить феминистскую оптику и постколониальную критику, то определение Спивак позиции угнетенного может быть прочитано

как вызов феминистским попыткам «раскопать» женские голоса, погребенные под слоем молчания (Wagner 2012: 118, подробнее с. 117–8).

Рой Вагнер (Wagner 2012), напротив, исходит из предпосылки, что молчание не обязательно есть результат подчинения и угнетения — молчание не всегда представляет собой последствие замалчивания. В статье, которую мы перевели для этого специального номера на русский язык, Вагнер (2023 [Wagner 2012]) фокусируется не столько на причинах и значениях молчания, сколько на том, чего может добиться человек, выбравший молчание. Полемизируя таким образом с идеями Спивак (1988), Вагнер показывает в своем исследовании, что угнетенным порой просто оставаться безмолвными. Так, молчание «не является абсолютной противоположностью речи или же позицией онтологического упразднения» (Wagner 2012: 100). Оно может быть интенциональным, представляя собой акт «микрополитического сопротивления» (Wagner 2012: 100). Таким образом молчащий отказывается соответствовать доминантному дискурсу, поэтому, резюмирует Вагнер, его присутствие ни с чем не коррелирует или не утверждается каким-то правом. Молчащий просто манифестирует свое присутствие (Wagner 2012).

Патриция М. Паттерсон (2000) резюмирует феномен замалчивания/молчания так:

«Все, что у нас есть, и все, что нам доступно, — это молчание. Молчание есть страх, а речь — опасность. Молчание вызывает стыд, а речь не заслуживает внимания. Молчание — это сопротивление, а речь обесценена. Молчание — золото, а речь неуместна. Молчание конфиденциально, а речь выступает в качестве прикрытия для кого-то. Молчание — это умение слушать, дающее речи возможность быть услышанной» (с. 681, цит. по Wagner 2012: 117).

Обозначенной Паттерсон формуле «молчание — это сопротивление» мы бы и хотели посвятить этот номер. Его задача — проанализировать живые, развивающиеся практики молчания, которые пытаются переосмыслить отсутствие высказывания, превращая навязанную утрату возможности говорения в ответственный жест сопротивления некроязыку и проживание травмы от этой утраты. Именно поэтому в фокусе нашего интереса — не только сугубо научные, но и творческие высказывания. Это разные способы критического анализа молчания, которые помогают вернуть вещам свои имена, пусть и не называя их. Кроме того, мы стремимся соотнести возникший после 24 февраля 2022 года в российском сообществе феномен молчания с его манифестациями и формами из других политических и культурных контекстов.

***

Теме молчания посвящена первая часть этого сдвоенного номера, а вторая — прибежищу. В силу агрессивной политической обстановки внутри России редакторы журнала предложили авторам самостоятельно решить,

хотят ли они опубликовать свои работы под собственными именами. Некоторые выбрали анонимность или псевдоним, потому что боятся за себя или близких.

Мы открываем этот номер переводом статьи Роя Вагнера «Молчание как сопротивление субъекту, или Может ли субалтерн хранить молчание?» об условиях, в которых молчание может существовать и быть практикой сопротивления.

Художник из Беларуси, который предпочел не называть свое имя, буквально воплощает теорию Вагнера в своей видеоработе «Мыслепреступление. Пошаговая инструкция» о репрессиях в Беларуси.

В статье «"Большая, большая скорбь и вечное молчание": опыт социологической интерпретации снов после 24 февраля 2022 года» Каролина Нугуманова и ее выбравший(ая) анонимность соавтор(ка) изучают, как после начала войны и введения военной цензуры россияне с помощью снов пытаются придать своему доязыковому опыту вербальную форму. Выполненный автор(к)ами перевод этой статьи на английский язык также можно прочесть в этом номере.

В визуальном эссе «День флага» фотохудожник под псевдонимом Смит анализирует отсутствие публики на официальном концерте в честь Дня государственного флага, который власти Санкт-Петербурга устроили 22 августа 2022 года на Исаакиевской площади.

В эссе «Коллективная бездна: социальные идентичности молчания, пустоты, и сопротивления» София Чибисгулева и Елена Килина размышляют об элементах государственной системы присвоения ценности пустотам и молчанию.

Поэтесса и писательница Оксана Васякина в эссе «Белый лист пылет» пишет о том, как политика меняет оптику чтения стихов, написанных полстолетия назад. Авторка сравнивает свои ощущения от текста «Молчу молчи» Всеволода Некрасова до и после событий 24 февраля 2022 года.

В статье «Преследующая тишина: пространственный пересказ мифов и сказок» Аслыхан Шенел и Эче Йетим описывают способы, с помощью которых мифы и сказки могут предложить разные формы сторителлинга, позволяющие создавать множественность смыслов и телесных взаимодействий, часто замалчиваемых доминантными структурами общества.

Наконец, Александр Веселов рецензирует сборник «Культуры молчания: сила неозвученных нарративов» (Routledge, 2023), посвященный молчанию как междисциплинарному исследовательскому полю и вышедший под редакцией Луизы Сантуш.

***

Блок «В поисках прибежища» открывается эссе анонимного(ой) автор(ки) «Ремесло: о неосюрреалистическом прибежище российского феминистского искусства», в котором анализируются арт-практика нового поколения

российских художниц — в частности, Алисы Горшениной и Катерины Лукиной — и их взаимодействие с эзотерикой и оккультизмом.

Статья «Берлин смотрит странную выставку русского искусства»: освещение в прессе выставки “Erste Russische Kunstausstellung” (1922) и восприятие модернистского искусства России» посвящена тому, как критики Веймарской республики отзывались о первой в Германии выставке Казимира Малевича, Владимира Татлина, Александра Родченко и других представителей авангарда.

В эссе «Освобождение от эпистемического насилия. Современные фотографы, меняющие образ Африки» анонимный(ая) автор(ка) показывает, как через пристальное изучение городских пространств фотохудожники создают возможность субъективного, свободного от (пост)колониальных стереотипов взгляда на страны Западной Африки.

В статье Софьи Русских и Полины Ковалёвой (авторки публикуются под псевдонимами) «Учебник русского. Проблемы преподавания русского языка трудовым мигрантам и членам их семей: обзор учебно-методических комплексов» анализируются существующие сегодня учебные пособия по русскому языку для трудовых мигрантов. Авторки рассматривают учебники с антропологической, педагогической и лингвистической точек зрения в широком контексте миграционной ситуации в современной России.

В эссе «Прибежища в творчестве Лиз Джонсон Артур» Дзифа Петерс разбирает концепцию прибежища в отношении диаспоральных и постмигрантских идентичностей. Петерс анализирует работы российско-ганайской фотохудожницы Лиз Джонсон Артур, которая на протяжении последних 30 лет собирает Black Balloon Archive — визуальный архив о жизни и культуре африканских диаспор.

Жанна Буденкова в статье «Земля как убежище в экологическом научно-фантастическом советском кино “Через тернии к звездам”» анализирует технаучный этос советской модерности, который способствовал разрушению природной среды в XX веке, и его репрезентацию в научно-популярном кино. Буденкова показывает противоречия, которыми наполнено представление о Земле как идеальном экологическом заповеднике.

***

The February Journal находится в самом начале своего становления. Но уже сейчас можно сказать, что мы бы и дальше хотели видеть журнал вне институций. Эта цель открывает множество возможностей, но и создает трудности, и поэтому мы просим коллег и читателей нам помочь. Это может быть финансовая поддержка, помощь в работе над выпусками или распространение уже опубликованных материалов — мы будем благодарны любому вкладу в наше общее дело. Пишите нам на info@thefebbruaryjournal.org.

1. Безуглов Д (ред) (2021) *Хрестоматия научного журнала The Garage Journal*. Москва, Музей современного искусства «Гараж».
2. Цитата из фильма-символа Оттепели «Мне двадцать лет» режиссера Марлена Хуциева (1965).
3. Хотя советское общество было пронизано политикой, язык советских газет, пропагандистских праздников, отчетов парторганизаций и проч. был абсолютно лишен политического. Выхолощенность и формализм такого рода текстов лишал их связи с реальностью и субъектностью как таковой. Подробнее о советском языке см.: Юрчак А (2014) *Это было навсегда пока не кончилось*. Москва, Новое литературное обозрение.
4. В русскоязычной контрпубличной сфере эти понятия сейчас активно обсуждаются. Хаустов (2022) видит «некрополитический новояз» наследником позднесоветского новояза, дошедшего до нас в этой якобы новой форме несмотря на предпринятые в 1990-е и 2000-е годы критические попытки его пересмотреть или уничтожить — например, в фильме «Груз 200» (2007) Алексея Балабанова. Напротив, Александр Сайгин (2022) считает, что более корректным для описания коммуникативной ситуации в сегодняшней России термином является «некрояз»: тогда как новояз предполагает сокращение количества слов и наделение их противоположными смыслами («война — это мир»), некрояз значительно расширяет лексический аппарат, чтобы скрыть реальность (не «война», а «специальная военная операция») (Сайгин 2022).

Благодарности

Мы благодарим Влада Струкова и Юрия Юркина за поддержку и помощь. Огромное спасибо нашим научному секретарю Ане Пандури, корректору и переводчику Элайасу Сайделу, корректору М. М., айти-специалисту Е. Р., верстальщице Оле Нет и дизайнеру Hell Kit. Наконец, мы благодарны Музею современного искусства «Гараж» за возможность использовать платформу журнала *The Garage Journal* (2019–2022) как базу для создания нового, независимого и внеинституционального научного проекта — *The February Journal*.

Библиография

1. Безуглов Д (ред) (2021) *Хрестоматия научного журнала The Garage Journal*. Москва, Музей современного искусства «Гараж».
2. Вежлян Е, Джаббарова Е, Митрофанова А (2022) *Семь текстов о феминизме. Обезоруживая гендер*. Екатеринбург, Кабинетный ученый.
3. Мамардашвили М (1992) *Как я понимаю философию*. Москва, Издательская группа «Прогресс» «Культура».
4. Сайгин А (2022, 7 мая) К пониманию некрояза. *Личный канал*

- Александра Сайгина, *Telegram*, https://t.me/saygin_opinion/7048.
5. Сандомирская И (2013) Блокада в слове. *Очерки критической теории и биолингвистики языка*. Москва, Новое литературное обозрение.
  6. Степанова М (2015) Предполагая жить. *Colta.ru*, <https://www.colta.ru/articles/specials/6815-predpolagaya-zhit> (31 марта 2015).
  7. Юрчак А (2014) *Это было навсегда пока не кончилось*. Москва, Новое литературное обозрение.
  8. Хаустов Д (2022, 13 апреля) Зураб и Мераб. Заметки о зомбигенезе. *Spectate*, <https://spectate.ru/zurab-merab/>.
  9. Austin, JL (1975 [1962]) *How to Do Things with Words*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press (2nd ed.).
  10. Houston M; Kramarae C (1991) Speaking from silence: Methods of silencing and of resistance. *Discourse & Society*, 2(4): 387–399.
  11. Jakobson R and Halle M (1971) *Fundamentals of Language*. The Hague, Mouton. Originally published 1956.
  12. Lentin A (2014) Postracial Silences: the othering of race in Europe in Wulf. In: Hund D and Lentin A (eds), *Racism and Sociology*. Berlin, Lit.
  13. Olsen T (1978) *Silences*. New York, Delacorte Press/Seymour Lawrence.
  14. Patterson PM (2000) The talking cure and the silent treatment: Some limits of 'discourse' as speech. *Administrative Theory & Praxis*, 22(4): 663–95.
  15. Spivak GC (1988) Can the subaltern speak? In: Nelson C and Grossberg L (eds), *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana, University of Illinois Press.
  16. Trouillot M-R (1995) *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston, Beacon Press.
  17. Wagner R (2012) Silence as resistance before the subject, or Could the subaltern remain silent? *Theory, Culture & Society*, 29(6): 99–124.

Об авторах

Шура Догадаева (PhD) — главная соредакторка *The February Journal*. В своей исследовательской деятельности, музейной работе и преподавании опирается на такие области знания, как критическая теория, квир-теория, медицинская антропология и гендерные исследования. Уделяет много внимания поддержке молодых исследовательниц и исследователей. Ведет несколько образовательных и академических проектов, а с 2020 года руководит проектом по изучению культурной истории эпидемии ВИЧ/СПИД на территории позднего СССР и современной России.

E-mail: info@thefebbruaryjournal.org.

ORCID: 0000-0002-9272-8917.

Андрей Завадский (PhD) — главный соредактор *The February Journal*. Научный сотрудник Института искусства и материальной культуры

Технического университета Дортмунда, член Центра антропологических исследований музеев и наследия (CARMAH) Гумбольдтского университета Берлина. Работает на пересечениях *memory studies*, музеологии, публичной истории и исследований медиа, с фокусом на Восточной Европе.

Адрес: TU Dortmund University, Institut für Kunst und Materielle Kultur,
Emil-Figge-Str. 50, 44221 Dortmund, Germany.

E-mail: andrei.zavadski@tu-dortmund.de.

ORCID: 0000-0002-8988-8805.